

НЕКРАСОВ И КОНИ

I

Федор Алексеевич Кони, ко времени своего знакомства с Некрасовым, т. е. к концу 1839 или же к началу 1840 г., не пользовался еще той широкой известностью, которую он приобрел несколькими годами позже. Правда, он успел уже зарекомендовать себя, как выдающийся педагог (Кони занимал в это время должность преподавателя истории во втором кадетском корпусе и "наставника наблюдателя" по русской и всеобщей истории в Дворянском полку), не только умевший увлекать своих учеников своими блестящими лекциями, но и напечатавший на русском, немецком и французском языках двухтомный учебник для военно-учебных заведений: "Живописный мир, или взгляд на природу, науки, искусства и человека" (Гельсингфорс, 1839 г.). С другой стороны, он уже вступил на поприще драматурга-водевилиста, так как еще в Москве (переезд Кони из Москвы в Петербург состоялся в 1836 г.) частью перевел с французского, частью сочинил свыше десятка водевилей, из которых некоторые не без успеха шли на московской сцене. Однако ни к журнальной деятельности, ни к научным трудам Кони еще не приступал вплотную. Начало серьезной работы его на журнальном поприще относится к 1840 г., а "История Фридриха Великого", доставившая своему автору почетное звание доктора нежного университета, вышла в 1844 г. Тем не менее, ко времени знакомства с Некрасовым, Кони мог быть существенно полезным любому начинающему писателю.

Некоторые указания на то, как познакомились Кони и Некрасов, содержатся в ценной статье В. Горленко "Литературные дебюты Некрасова", напечатанной вскоре после смерти поэта в "Отечественных Записках" (1878 г., No 12), а затем перепечатанной в IV томе первого посмертного собрания его стихотворений. Горленко, поддерживавший в период Своей работы над статьей личный контакт с престарелым Федором Алексеевичем (ум. в 1879 г.) и использовавший ряд фактических указаний, полученных непосредственно от него, утверждает, что Кони познакомился с Некрасовым чрез Григория Францевича Бенецкого, своего сотоварища по педагогической службе в Дворянском полку. Бенецкий, как известно, доставил Некрасову место репетитора в приготовительном пансионе при этом учебном заведении, а несколько раньше существенно помог молодому поэту при издании первого сборничка его стихов - "Мечты и звуки" {По рассказу самого Некрасова, Бенецкий еще до выхода книжки в свет продавал среди знакомых билеты, дававшие право на ее получение, и собранными таким способом деньгами снабжал Некрасова.}. Быть может, еще большую услугу оказал Некрасову Бенецкий, отрекомендовав его Кони, как "очень даровитого юношу и начинающего поэта". Знакомство с Кони, как это будет показано в дальнейшем, явилось одним из переломных моментов и в жизни и в творчестве Некрасова.

Начать с того, что близость с Кони сыграла, повидимому, известную роль в деле преодоления Некрасовым некоторых дурных склонностей, приобретенных в период его мытарств по "петербургским углам". Затем, благодаря Кони, Предоставившему Некрасову работу сначала в "Пантеоне русского и всех европейских театров", а годом позднее и в "Литературной Газете", значительно улучшилось материальное положение поэта, расширились и окрепли его связи с литературными, журнальными и театральными кругами, определился переход его, как писателя, к новым темам и новым жанрам, наконец, ускорился процесс формирования его убеждений в духе сочувствия передовым идеям эпохи.

Прежде чем перейти к подробному разъяснению вопроса о том, чем собственно был обязан Некрасов Кони, остановимся несколько на личности этого последнего. Большинство писавших о нем мемуаристов в очень определенных и решительных выражениях отмечают его отзывчивость и на редкость хорошее отношение к людям, в частности к начинающим литераторам. О "приветливости и доброте" Кони, побеждавшей робость литературной молодежи, которой свойственно-де благоговеть перед редакторами журналов, говорит, например, Д. В. Григорович, имевший случаи на собственном опыте удостовериться в этих качествах Федора Алексеевича (см. "Воспоминания" Григоровича). О том же свидетельствует и композитор Юрий Арнольд. "Кони, утверждает он, был необыкновенно симпатичный господин. Добр до бесконечности, всегда приветливый, всегда услужливый, он любил отыскивать, поддерживать, развивать и руководить талантливых молодых людей. И впрямь, думаю я, что у нас на Руси не только в оное время редко обретался, но даже и в наши дни редко найдется кто-

либо, кто бы оказался способным на это дело, как Федор Алексеевич Кони" ("Воспоминания" Юрия Арнольда, вып. II, стр. 172--173).

Как уже было сказано выше, Кони стал в такие отношения с Некрасовым, при которых мог влиять на него не только как на писателя, но и как на человека. Суммируя то, что известно о первых годах жизни Некрасова в Петербурге, приходится заключить, что он весьма и весьма нуждался в таком влиянии. Отчаянная борьба за существование, познакомившая его с переживаниями человека, которому, в самом буквальном смысле этого слова, нечего есть и негде преклонить голову, вынуждала его нередко на такие поступки, которые >не вполне были согласны с требованиями "строгой морали" выражение из стих. "Нравственный человек"). Известен рассказ самого Некрасова о том, как, приходя в ресторан на Морской, "где позволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе", он брал "для виду" газету, пододвигал себе тарелку с хлебом и ел... Ел, рискуя, что его поймают с поличным и "повлекут торжественно в квартал"... Неудивительно после этого, что он впоследствии с таким трогательным сочувствием сумел воспеть изголодавшегося "вора", укравшего калач с лотка уличного торговца. Голод обрекал Некрасова и на другое. Не далее как три года тому назад вдова младшего брата поэта, Наталья Павловна Некрасова, сообщила пишущему эти строки, что неоднократно слышала от своего мужа о том, что Некрасову в особенно тяжкие моменты его петербургского житья-бытья приходилось просить подаяния. Пусть это легенда, но как "дыму без огня не бывает", так и в основу большинства легенд ложатся обычно какие-то фактические данные. Можно сомневаться в том, что Некрасов нищенствовал на улицах, но вполне допустимо (Предположить, что мучительное чувство голода нередко заставляло его посещать те дома, где была надежда подкормиться хотя бы ценою унижения. Характерна в этом отношении нижеследующая страница, посвященная Некрасову в воспоминаниях артистки А. И. Шуберт:

"Некрасову тогда плохо приходилось... Мне горько и стыдно вспомнить, что мы с маменькой прозвали его "несчастливым".

- Кто там пришел? - бывало спросит маменька. - Несчастливый? - И потом обратится к нему:

- Небось, есть хотите?

- Позвольте.

- Акулина, подай ему, что от обеда осталось. Особенно жалким выглядел Некрасов в холодное время.

Очень бледен, одет плохо, все как-то дрожал и пожимался. Руки у него были голые, красные, белья не было видно, но шею обертывал он красным вязаным шарфом, очень изорванным.

Раз я имела нахальство спросить его:

- Вы зачем такой рваный шарф надели?

Он окинул меня сердитым взглядом и резко ответил:

- Этот шарф вязала моя мать.

Я сконфузилась. Потом он исчез от нас, и больше в жизни я с ним не встречалась. Брат говаривал, что Некрасов забыл нашу хлеб-соль. Но от такого гостеприимства подавиться можно" (А. Шуберт. "Моя жизнь").

Трудно, разумеется, не согласиться с заключительный выводом мемуаристки.

Кто знает, не о пережитом ли в доме Шуберт думал Некрасов, когда несколькими годами позднее писал:

Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь, как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд
С насмешкой не случайною
Все, кажется, глядят...

Если унижения, связанные с необходимостью удовлетворять *чувство* голода, не могли не отражаться неблагоприятным образом на психике Некрасова, то, с другой стороны, жизнь в подвальных и чердачных помещениях, той более жизнь в "петербургских углах", ночевки в ночлежных домах и, "как следствие всего этого, "общение с подлинными подонками петербургского населения, в свою очередь, накладывали неизгладимую печать "а его духовный облик. Нет надобности доказывать, что эта печать была мрачной печатью. Постоянно сталкиваясь, а иногда живя под одной кровлей с женщинами, торгующими собой, с горькими пьяницами, с бродягами, промышленяющими бог знает чем, лишь бы только не умереть с голоду {целую галерею подобных типов дает рассказ "Петербургские углы"}, Некрасов легко мог втянуться в разврат и пьянство. Не только мог втянуться, но, повидимому, и втянулся...

Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег...

В этом горестном признании, содержащемся в одном из сравнительно ранних стихотворений Некрасова (оно написано в 1846 г.), нельзя отрицать присутствия автобиографического элемента. Недаром Ю. Арнольд, издаваясь "над "теплым, можно сказать, сердечным сочувствием Некрасова к падшим женщинам", злорадно утверждает, что они были ему "некогда близки", недаром Елисей Колбасин вводит в свои воспоминания о поэте (они озаглавлены "Тени старого "Современника" и напечатаны в новом "Современнике", 1911, No 8) слышанный им от него рассказ о любви его к некой молодой девушке-гувернантке, которая, расставшись с ним,-- а расстались они из-за отсутствия средств к жизни, - стала публичной женщиной. Рассказ этот настолько близок по содержанию к известному стихотворению "Еду ли ночью по-улице темной", что возможно говорить об единстве их фактической основы.

Спиртные напитки также играли в жизни Некрасова этих лет известную роль. Прямых указаний на то, что Некрасов допускал излишества в этой области, поскольку речь идет о конце 30-х, начале 40-х гг., не сохранилось, но ко второй половине 40-х гг. относится довольно значительное их количество, причем исходят они с различных сторон. В феврале 1848 г. Булгарин, желая помочь III отделению в его усилиях найти автора безымянного письма, адресованного кн. Орлову "с возмутительными предсказаниями насчет будущего России" (т. е. с предсказанием революции. - В. Е. -М.), в числе возможных авторов письма назвал Некрасова (см. его "записку" по этому делу, напечатанную М. К. Лемке). Мотивы, на которых основывался Булгарин в своем предположении, сводились к тому, что Некрасов "самый отчаянный коммунист" и "страшно вопиет в пользу революции". Способ, с помощью которого не трудно-де будет изобличить Некрасова, а вместе с ним Буткова, обвиненного Булгариным в тех же прегрешениях, это - "найти человека, который бы напоил их и порасспросил". "Бутков и Некрасов любят оба "выпить, а Бутков таскается по трактирам и едва не был схвачен за вранье... Некрасов ведет себя повыше и упивается шампанским, а упившись врет"... Любопытно, что в констатированьи за Некрасовым этой слабости с доносчиком Булгариным сходится наиболее близкий Некрасову человек - его гражданская жена Авдотья Яковлевна Панаева.: В ее письме к М. Л. Огаревой от 15 марта 1849 г. читаем: "[Некрасов] возвращается в 12 часов утра уже наготове и производит скандал в доме. Все люди дивятся перемене его; бывало ложился о семь часов вечера и вставал в 6 часов утра, а теперь по "очам его с собаками не сыщешь". Гармонируют с этим и слова самого Некрасова из письма его к Н. М. Сатину от 8 апреля 1849 г.: "У нас здесь [т. е. в СПб] не без пьянства, хотя не Огарев тому главной причиной - так уж само собой как-то выходит". Характерное признание сделал Некрасов и Пыпину в одну из последних своих бесед с ним (в марте 1877 г.): "Я же мог подраться с кем попало в ресторане

Лерхе". Едва ли драка в ресторане, да еще с кем попало, не была непосредственным результатом неумеренных винных возлияний.

Теперь, когда более или менее выяснено, чем обязан Некрасов годам своих петербургских мытарств, не трудно понять, какой смысл вкладывал он в следующие слова своего письма (от 16 августа 1841 г.) к Кони: "Неужели вы почитаете меня способным так скоро забыть недавнее прошлое?.. Я помню, что был я назад два года, как я жил. Я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сор у и грязи без помощи вашей. Я не стыжусь признаться, что всем обязан вам, иначе я не написал бы вам этих строк, которые навсегда могли бы остаться для меня уликой".

В своих воспоминаниях о Некрасове Кони-сын отмечает, что Федор Алексеевич в стремлении помочь Некрасову и "оберечь его от возвращения к привычкам бродячей и бездомной жизни" "по целым неделям" давал ему "приют у себя". В цитируемых словах пишущему эти строки почувствовалась некоторая недоговоренность, и он позволил себе упомянуть об этом в беседе с автором воспоминаний. Анатолий Федорович ответил примерно следующее: "Мне не хотелось вдаваться в подробности, характеризующие заботы моего покойного отца о Некрасове. Но зам я могу сказать, что труднее всего было отучить его от привычки выпивать. Отцу немало пришлось потратить усилий, прежде чем он добился в этом отношении определенных результатов".

Переходя к вопросу о том, в какой мере заработок, предоставленный Некрасову Кони, обеспечивал последнего, отметим, прежде всего, что цитированное выше признание Некрасова ("мог ли я выкарабкаться из сору и грязи без помощи вашей" {Справедливость требует отметить, что слова эти взяты из письма, имевшего своею целью восстановление добрых отношений с Кони, пошатнувшихся летом 1841 г. Желая вернуть расположение Кони, Некрасов, конечно, мог допустить в оценке того, чем он обязан Кони, некоторые преувеличения. Во всяком случае, если нельзя отрицать значительность той роли, которую, Кони сыграл в жизни Некрасова, то, с другой стороны, не менее ошибочно было бы думать, что без помощи Кони Некрасов был обречен на гибель. В своей последующей жизни и деятельности Некрасов проявил столько железной выносливости и умения приспособляться к обстоятельствам, что едва ли можно сомневаться в том, что эти качества в конце концов помогли бы ему и без содействия Кони подняться к материальной стороне их отношений, чем к моральной, тем более, что в данном случае эти стороны почти неотделимы одна от другой. Если Некрасов перестал быть полунищим обитателем "петербургских углов", то этим он, в значительной степени, но не исключительно (вспомним, например, поддержку, оказанную ему Бенецким), обязан Кони. Тем не менее письма Некрасова к Кони свидетельствуют, что и в период наиболее интенсивной работы в изданиях Кони грозный призрак бедности не переставал время от времени тревожить Некрасова. Иначе не пришлось бы ему (см. письмо к Кони от 16 августа 1841 г.) принимать так близко к сердцу задержку в уплате гонорара Кони, что едва не испортило их отношений. Иначе ему не пришлось бы отдавать в залог свои вещи, а затем, "решительно не имея денег", выпрашивать 150 р. у того же Кони, выпрашивать их в момент размолвки с ним, обещая выплатить долг двумя печатными листами для "Литературной Газеты", если Кони "удостоит" принять его труд в свои издания. Иначе ему не пришлось бы переводную пьесу, на которую Кони имел, по его собственному сознанию, большие права, чем он, продавать для бенефиса Александрийскому актеру, а потом, в виду протеста Кони, требовать ее от покупателя обратно. Не пришлось бы ему также, сводя литературное творчество на степень чуть ли не механического ремесла, "торопиться наготовить разных произведений, которые можно было бы продать поштучно для выручки денег на содержание своей особы". Где уж тут до свободного вдохновения, когда то или другое произведение молодого писателя волею-неволею рассматривалось им с той точки зрения, даст или не даст Песочкий за него, а то и за пару их - 100 р., которые необходимы, чтобы "расплатиться с портным". Тем не менее бывали периоды, когда Некрасову удавалось зарабатывать у Кони такие суммы, которые не только позволяли ему удовлетворять свои необходимые потребности, но и делали возможными его поездку на родину, покупку свадебного подарка сестре и т. д. (см. письмо от 18 июля 1841 г.).

Полезен был Кони Некрасову еще и тем, что помог ему приобрести более или менее обширные знакомства среди писателей и артистов. Будучи своим человеком в редакции

"Пантеона" и "Литературной Газеты", Некрасов, само собой разумеется, должен был встречаться с другими сотрудниками этих изданий. В частности, в редакции "Литературной Газеты" завязались его отношения с Краевским, которые раскрыли перед ним двери бесспорно лучшего в то время журнала, двери "Отечественных Записок"... Впрочем, справедливость требует отметить, что среди литературных знакомых Некрасова 1840--1841 гг. немало было и форменных представителей литературной богемы. "На Глинку, - читаем в одном из писем Некрасова к Кони, писанных в 1841 г. из Ярославля, - как на порядочного человека положился я и оставил на его попечение мебель и разных вещей по крайности на 150 рублей, а он, говорят, все заложил... {С. С. Глинка - сын писателя и журналиста С. Н. Глинки, дававшего Некрасову уроки французского языка. Из воспоминаний Ф. С. Глинки - брата С. С., опубликованных в No 2 "Исторического Вестника" за 1891 г., явствует, что Некрасов с 1839 по 1841 г. жил вместе с С. С. Глинкой в одной квартире на углу Невского и Владимирского проспектов. Ф. С. Глинка утверждает, что мебель, о которой здесь говорится, была собственной мебелью его брата, перевезенной с старой квартиры на Литейном, где у него была типография. "По отъезде моего брата из Петербурга, - рассказывает далее Ф. Глинка,-- Некрасов при встрече со мной (постоянно требовал эту мебель, хотя, по словам брата, она вовсе ему не принадлежала". Едва ли можно поверить этому утверждению Ф. Глинки. Ему трудно было быть беспристрастным, так как дело шло об некрасивом поступке его брата.} Приеду в Петербург - ни кола, ни двора, ни пристанища".

В глубоко-отрицательном свете рисуется, по письмам Некрасова, и фигура К. Е. Вельсберга {К. Е. Вельсберг - переводчик, сотрудничавший в "Литературной Газете", где, кроме переводов, помещал фельетоны и заметки в "Смеси". В глазах Кони он, повидимому, имел некоторый вес, так как во время отсутствия Кони в Петербурге, летом 1841 г., он даже был его доверенным и замещал его как редактора "Лит. Газеты".}, с помощью сплетен и клеветы пытавшегося поссорить Кони с Некрасовым.

II

Говоря об отношениях Некрасова и Кони, нельзя не отметить влияния последнего на его поэтическое творчество как в плане тематическом, так и в плане формальном. До своего сближения с Федором Алексеевичем Некрасов не шел далее романтических стихотворений чисто эпигонского характера, которые и составили его первый сборничек - "Мечты и звуки". Сделавшись же сотрудником "Пантеона" и "Литературной Газеты", он не только коренным образом изменяет свою тематику, но и начинает культивировать новые для него жанры. Какие же именно? С одной стороны, театральные - водевиль и мелодраму, с другой, журнальные - повесть и рассказ особого специфически-журнального типа, фельетон, критическую статью, рецензию {Библиографию, к сожалению, довольно неполную, напечатанного Некрасовым в "Литературной Газете" и "Пантеоне" времен редактирования этих журналов Кони см. в статье Горленко ""Литературные дебюты Некрасова"}.}

И по линии театральных и по линии журнальных жанров учителем Некрасова, несомненно, был Кони. На это, прежде всего, имеются весьма определенные указания у Горленко, который, как уже упомянуто, в своей статье опирался на сведения, полученные непосредственно от самого Кони. Горленко утверждает, например, что переход Некрасова к прозе явился результатом настояний именно Кони. "До того времени, - читаем у Горленко, - Некрасов ничего не писал в прозе, а на стихах, как известно, заработать много нельзя. На советы Кони писать прозой Некрасов отвечал, что он решительно не умеет и не знает, о чем писать. "Попробуйте на первый раз рассказать какой-нибудь известный вам из жизни случай, приключение", - советует ему Кони. Предложение принято, изобретается для прозы псевдоним Перепельский им подписана большая часть повестей и рассказов Некрасова, но не все: другие, и не всегда лучшие, подписаны настоящим именем), и в No 5 "Пантеона" 1840 г. появляется первый (прозаический опыт Некрасова, повесть "Макар Осипович Случайный", где со всеми заурядными романическими приемами того времени рассказывается действительная история некоего чиновника Сл-ск-ого, наделавшая в то время некоторого шума в Петербурге... Первый опыт был сделан и прошел благополучно. О чем писать теперь?-- "Опишите себя, свое недавнее положение", - советует тот же издатель, и Некрасов пишет рассказ: "Без вести пропавший пиита", имеющий, по словам Кони, несомненно автобиографическое значение... Следующая повесть Некрасова в "Пантеоне" - "Певница" - имеет все признаки вещи, написанной

исключительно под влиянием крайности и для денег. Содержание ее невероятно, лица и события искусственны в высшей степени... Почти то же самое можно сказать о целой серии повестей и рассказов, которые печатаются в следующем году в "Литературной Газете". По словам Кони, происхождение некоторых из этих повествований было следующее: "А вот что я сегодня начитал", - говорит девятнадцатилетний писатель, входя к своему издателю и передавая ему содержание прочитанного в какой-нибудь забытой книжке. "Ну, вот вам и "сюжет, садитесь и пишите", - говорил ему издатель, и в результате являлись рассказы, вроде "Певницы", "В Сардинии" и т. п."

Мы позволили себе эту довольно обширную выписку, так как в ней не только названы три; источника, из которых юный Некрасов черпал сюжеты своих прозаических вещей (первый источник - "попробуйте рассказать какой-нибудь известный вам из жизни случай"; второй - "опишите себя, свое недавнее прошлое"; третий - "садитесь и пишите" о том, что "сегодня начитали"), но и отмечается, что все эти источники указывались Некрасову Кони. После этого нас уже не должно удивлять нижеследующее обращенное к Кони заявление самого Некрасова, к тому же заявление, сделанное печатно: "Между обвинениями, вымышленными в противность всякой истине вашими недоброжелателями и повторяемыми г. Л. Л. в сотый раз, совершенно не к стати заметно желание показать, что вы мне покровительствуете, и вооружить нас друг против друга. Если г. Л. Л. под словом покровительство разумел добрые советы и указания начинающему заниматься литературою, я священным для себя долгом поставляю с удовольствием сознаться, что вы мне действительно покровительствовали. Так же долгом почитаю по поводу намеков г. Л. Л. изъявить вам теперь печатно мою благодарность за ваши советы и замечания при сочинении водевиля "Шила в мешке не утаишь". Слова эти взяты из открытого письма Некрасова к Кони, помещенного на страницах "Литературной Газеты" (1841 г., No 66) в ответ на рецензию сотрудника "Северной Пчелы" Л. Л. (Межевича) о водевиле "Шила в мешке не утаишь". Рецензия эта, наполненная преувеличенными похвалами, явным образом имела в виду восстановить Некрасова против Кони и заканчивалась такими словами: "г. Некрасов вступил на драматическое поприще скромно, так скромно, что с каким-то странным подобострастием написал в своем водевиле комплимент г. Кони {Здесь Межевич, без сомнения, имел в виду один из куплетов ювелира Руперта (действующее лицо в водевиле "Шила в мешке не утаишь"). Приводим этот куплет, сохранившийся в рукописной копии водевиля, но исключенный из печатного его текста:

Бегал даром зданий во сто
Я, несчастный ювелир!
В Петербурге мука просто
Отыскание квартир.
Не одни тут ювелиры
Присмирели, обожглись:
Петербургские квартиры
Многим солоно пришлись.

Не забудем, что "Петербургские квартиры" - название одной из наиболее популярных пьес Кони.}. Смелее, г. Некрасов, идите своею дорогою! Зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте".

Некрасов, как мы видели, не поддавался на хитрость Л. Л. и воспользовался случаем печатно заявить о том, чем он обязан Кони, в частности подчеркнуть, что Кони помогал ему в работе над его первым водевилем {Необходимо, однако, оговориться (см. об этом ниже), что в "открытое письмо" Некрасова к Кони, о котором здесь идет речь, Кони имел бестактность ввести от себя обширные вставки, чем Некрасов был очень и очень недоволен. Трудно, однако, предполагать, чтобы цитированный выше отрывок из письма был вставкою Кони, а не заявлением самого Некрасова. Последний, разумеется, был неизмеримо даровитее Кони, однако, по молодости лет, малой образованности, литературной неопытности не мог не нуждаться в 1840--41 гг. в "Советах и указаниях" своего редактора-издателя. Из неизданных новонайденных автобиографических повестей Некрасова явствует, что Кони не только делал вставки в статьи Некрасова, но и пользовался текстом Некрасова для вставок в свои статьи. Этот более чем бесцеремонный образ действий Кони сильно восстановил против него Некрасов.}. По мере того как возрастала опытность Некрасова в сочинении водевилей, он,

надо думать, уже не нуждался в непосредственной помощи Кони, но, во всяком случае, печать влияния этого последнего сказывается на драматических опытах Некрасова довольно заметно. Приведем тому, несколько наиболее ярких примеров, отнюдь не ставя своею задачей всестороннее разъяснение вопроса, что потребовало бы слишком много времени и места.

В сентябре 1840 г. на Александрийской сцене состоялось первое представление комедии-водевиля Кони "Петербургские квартиры" в пяти актах, или, как балагурил автор, в "пяти квартирах". Несколько позже "Петербургские квартиры" были напечатаны в "Пантеоне". Самой значительной по своему общественному смыслу частью пьесы, бесспорно, было четвертое действие, происходившее в квартире журналиста Абдула Авдеевича Задарина. В этом действии Кони сводил свои счеты с Булгариным, которого знал очень хорошо, ибо несколько лет сотрудничал в его "Северной Пчеле". Начиная "Пантеон", Кони, в свою очередь, просил Булгарина о сотрудничестве и в первом же номере журнала на видном месте напечатал статью Булгарина "Театральные воспоминания моей юности" за его полную подписью. Однако, через несколько месяцев в особой редакционной статье Кони не только сообщает публике об отказе Булгарина от сотрудничества в "Пантеоне", но и дает резкую отповедь "Северной Пчеле", выступившей с рядом обвинений против "Пантеона" (см. No 124). В это время Булгарин и Кони стали уже в определенно враждебные отношения, и те нападки, с которыми Кони обрушился на Булгарина в "Петербургских квартирах, нельзя не признать чрезвычайно резкими, тем более, что они били "е в бровь, а прямо в глаз. Главная мишень Кони, это - продажность Булгарина, готового за подношения, в особенности за деньги, расхваливать в своей газете кого угодно и что угодно. Вместе с тем Кони задевает и лже-патриотизм редактора-издателя "Северной Пчелы", и его любовь к доносам, с помощью которых он сводит счеты со своими врагами, и его связи с полицией. Мало того, в "Петербургских квартирах" Кони рассказал историю своего разрыва с Булгариным, придав ей чрезвычайно обидный для последнего смысл. Семячко, - под этим именем Кони выводит в "пьесе самого себя, - отказывается от сотрудничества у Задарина после того, как он потребовал от него хвалебного отзыва о никуда не годной книге, автор которой прислал ему сторублевую взятку. Не менее неприемлемо для Семячка и другое требование Задарина - "отвалить в три кнута" пользовавшихся в то время широким признанием романистов Лажечникова и Загоскина.

Нет никакого сомнения, что "водевильные сцены" Некрасова "Утро <в редакции" ("Лит. Газ." 1841 г., NoNo 15--16) писались под непосредственным влиянием четвертого акта "Петербургских (квартир)". Начать с того, что местом действия "Утра в редакции", так же, как и пьесы Кони, является квартира журналиста, но уже не Задарина, а Семячко. Однако, в "Ноодевильных сценах" имеются упоминания и о Задарине, как о подкупном журналисте. Ему противопоставлен, - в этом противопоставлении и заключается основная идея пьесы, - неподкупный журналист Семячко. Некрасов свою характеристику последнего, в целях усиления указанного противопоставления, строит по методу прямого контраста с Задариным. У Кони Задарин изъявляет полную готовность превознести некую актрису, заботливо вложившую в письмо к нему 200 рублей; у Некрасова же Семячко, когда его пытаются подкупить, чтобы он изменил свой отрицательный отзыв об игре актрисы Глазкиной, категорически заявляет: "Я сказал свое мнение и не отступлюсь от него". У Кони Задарин падок на сигары и не упускает случая брать взятки именно сигарами; у Некрасова Семячко отвечает решительным отказом на предложение явившегося подкупить его Будкина принять от него тысячу лучших гаванских сигар. У Кони Задарин любит обедать на чужой счет; у Некрасова Семячко отклоняет подобного рода предложения, когда видит за ними намерение повлиять на беспристрастие его суждений. У Кони Задарин скуп и жаден до того, что жалеет бросить грош финскому нищему; у Некрасова Семячко дает бедняку немцу, обратившемуся к нему за помощью, сначала 25, а затем 50 рублей. Куплетам, выявляющим в пьесе Кони главный стимул литературной деятельности Задарина, Некрасов противопоставляет в декларативном тоне выдержанное заявление Семячко, в котором проводится диаметрально противоположный задаринскому взгляд на назначение писателя. В виду того, что в этих отрывках вскрывается яснее, чем где бы то ни было, идеологическая доминанта и четвертого акта "Петербургских квартир" и "Утра в редакции", не лишнее будет процитировать их.

Задарин (поет).

Премудренная задача -
Журналиста ремесло:
Надо, чтоб была мне дача,
Чтоб в любви всегда везло,
Чтобы корм был для кармана,
Пища для души была,--
И бутылочка кремана
Не сходила со стола.
С дела каждого две шкуры
Норовят теперь содрать:
Отчего ж с литературы
Мне оброков не собирать?
Я в газету облекаю
Свою личность, как в броню;
Деньги с книжников взимаю,
А кто не дал - тех браню.
Там хватай хоть звезды с неба,
Там что хочешь намели:
Я лишь тисну - и без хлеба
Сядешь раком на мели.
Я статейками упрочил
Себе вес и капитал:
Тех порочил, тех морочил,
Тем кадил, а тех ругал.
Наградить могу я славой
И убить могу вполне;
Благочиния управа
Не мешает в этом мне.
Нынче враг со мной издатель -
Я роман не ставлю в грош;
Завтра он со мной приятель,--
Я пишу: роман хорош.
После вновь раскритикую. -
Тут не видно плутовства...
Я формально публикую,
Что пишу из кумовства!

Семячко (*беседа с Пельским*):

"Я литератор, а не торговка с рынка. Я могу входить в спор литературный, где от столкновения мнений может произойти польза для науки, искусства или словесности, но в торгашеские перебранки, порождаемые спекулятивным взглядом на литературу моих противников, я входить не могу... Я не намерен отступать от моих правил и пятнать страницы моей газеты тою ржавчиною литературы, которую желал бы смыть кровью и слезами. Я хочу исполнить свое дело добросовестно и честно"...

Таким образом, сопоставляя пьесы Кони и Некрасова, нельзя не прийти к выводу, что "Петербургские квартиры" в значительной степени предопределили "Утро в редакции", причем Некрасов, идя вслед за Кони, особенно широко использовал, в целях противопоставления, образы подкупного и неподкупного журналистов, но в то время как Кони разрабатывал первый образ, Некрасов уделил преимущественное внимание второму, возводя его к тому реальному прототипу, каковым ему в то время представлялся сам Федор Алексеевич.

Для Кони, работавшего одновременно и на журнальном и на драматургическом поприщах, не меньший интерес, чем вопрос об общественной роли журналистики, представлял вопрос об общественной роли драматического искусства, в частности драматического актера. К этому вопросу Кони возвращался постоянно, затрагивая его иногда и в своих водевилях. Так в водевиле "Студент, артист, хорист и аферист", часто и с большим успехом шедшим на Александринской сцене в сезоны 1838--1839 гг., 1839--1840 гг. и 1840--1841 гг., содержится,

между прочим, такой диалог помещика, он же майор в отставке, Служакина и Макара Губкина, - студента, артиста, хориста и афериста".

Губкин, рекомендуясь Служакину, называет себя актером. Служакин обрушивается на него с *упреками*:

- "Актер, актер! Сын георгиевского кавалера, капитана с выслугой! Актер! Да это юрам, так сказать! Позор дворянства и поношение рода человеческого! Фи, фи, фи! Стидно-с, стыдно, стыдно!"

Губкин возражает:

- "Помилуйте! Разве дарование и любовь к благородному искусству не стоят чинов и выслуги?"

- Краснеть надо от такого звания!

- Я и то от него каждый вечер пред поднятием занавеса заметным образом краснею".

В конце водевиля, когда Губкину, с помощью переодевания, удалось оказать своему, другу чиновнику Улитскому обещанную услугу, т. е. принудить Служакина согласиться на брак Улитского "с его дочерью Наташей, и когда уже было подано шампанское, как это требовалось тогдашним водевильным ритуалом, Губкин восклицает:

- "Да здравствует благородное искусство актера!"

Примирившийся "с (происшедшем Служакин говорит ему:

- "Ну, братец, ты нас и потешил и одолжил! Спасибо".

Улитский, с своей стороны, заявляет:

- "Ты сыграл славную шутку и отличную роль".

Губкин снова восклицает: - "Да здравствует театр!".

А затем, обращаясь к публике, поет следующие куплеты:

Теперь бы я желал,
Чтоб каждый здесь сказал
Свое о шутке мненье.
Но автор и актер
В один вступают хор
И просят - снисхожденья.

В некрасовском "Актере" есть сцена (см. явл. V), заставляющая вспомнить о первой встрече Служакина и Губкина. Помещик Кочергин, относясь к искусству актера с таким же презрением, как и Служакин, очень неуважительно принимает актера Стружкина, ничем не отличающегося в его глазах от шута. Вот отрывок из их диалога:

Кочергин. Как это вы попали, любезнейший, в такую должность?

Стружкин. Любовь к театру заставила меня посвятить себя благородному званию артиста.

Кочергин. Ха, ха, ха! Да с вами не умрешь от скуки. Ха, ха!

Стружкин. Что такое?

Кочергин. Ну, любезнейший, благородному званию...

Стружкин. Я горячо полюбил театр и стал ревностно изучать образцы.

Кочергин (*смеется*). Оно так и надо, конечно, всякой молодец на свой образец...

Стружкин. Вы ошибаетесь... я вовсе не думал вас смешить... Я не шут, государь мой, артист... Это такая разница, как небо и земля... Шутом может быть всякий дурак... а артистом только человек с дарованием...

Кочергин. Ха, ха, ха! Ну, недаром же мне Валерьян Андреич сказал, что вы меня распотешите... ха, ха...

Стружкин. Теперь я все понимаю. Так вы меня затем пригласили, чтоб я смешил, потешал вас... И это сделал человек, которого я считал другом! Вы приняли меня за уличного паяца, за фигляра.

И вот как у нас понимают искусство!
Вот как на жрецов его люди глядят:
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства,--
Зато тебя именем шута клеймят
Талант твой считают за ложь и обманы;
Понять его - выше их сил и ума.
Им нет в нем святыни; для них шарлатаны
И Гаррик и Кин, и Лежен, и Тальма!

Справедливо считая, что виновником издевательств, которым он подвергся в доме Кочергина, является пригласивший его к Кочергину жених дочери этого последнего, чиновник Сухожилов, Стружкин решает отомстить Сухожилову и с помощью переодевания устраивает его свадьбу. Однако, в конце концов он меняет гнев на малость и устраняет препятствия к браку молодых людей. Кочергин, хотя и был, подобно Служакину, обморочен актером, радуется тому, что все объяснилось и пришло к благополучному исходу, и заканчивает Ноодельвилем такими куплетами;

Ха, ха, ха! Должно признаться,
Он нас очень насмешил,
И от смеха удержаться
Не стает уж наших сил.

(*К публике*)

Но для нас всего важнее
Ваш серьезный приговор,--
Так решите поскорее,
Насмешил ли вас актер?

Опять-таки и на этом примере, точно так же как на примере "Петербургских квартир" и "Утра в редакции", мы! убеждаемся в неоспоримом влиянии водевиля Кони на некрасовский водевиль. Влияние это не ограничилось сюжетным сходством, а отразилось и на отношении молодого автора к "благородному искусству актера". Отсюда вывод, что совместная с Кони работа на журнальном и драматическом поприщах, а также и личный контакт с ним способствовало тому, что Некрасов проводил его взгляды на литературу и искусство в своих произведениях этого периода.

Возможно также, что некоторые из мнений Кони по вопросам общественно-политического порядка передались Некрасову. Однако для сколько-нибудь определенных выводов в этом

отношении у нас покамест достаточных оснований не имеется. Хотя биограф Федора Алексеевича и утверждает, что в своих пьесах он задевал в форме веселого куплета такие явления современной или русской жизни, которых по цензурным условиям нельзя было коснуться строгим словом негодующего осуждения: "раболепное чиновничество, взяточничество, бездушие крепостных отношений", однако утверждение это может быть принято не иначе, как со значительными оговорками. Либерализм Кони был либерализмом очень легкого жанра, как это и подобало присяжному автору водевилей. Даже в тех редких случаях, когда он писал вещи, настолько резкие в политическом отношении, что их нельзя было печатать, вроде ямба "Не жди, чтобы цвела страна, - где плохо слушают рассудка и где зависит все от сна и от сварения желудка", или сатиры "Биография благородного человека", он не мог вполне отрешиться от водевильных тона и манеры. А хуже всего было то, что с такою же легкостью, с какой из-под его пера выходили довольно либеральные бутады, он сочинял и реакционные пьесы "в ультрапатриотическом, нестерпимо барабанном духе, каковы, например, "Архип Осипов", "Кавказская свадьба" и "Царская милость". Не говоря уже о том, что Некрасов ни одной пьесы в этом духе не написал, он в некоторых случаях даже в заимствованные у Кони литературные формы умел влагать довольно острый общественный смысл. Вот наглядное тому подтверждение. В конце 30-х гг. на Александрийской сцене часто давался водевиль Кони "Девушка-гусар", в котором Асенкова срывала громы аплодисментов такими не лишними фривольности куплетами:

И хоть наш пансион
Знаменит и учен -
А вздору там всякому учат.
Пожалейте, друзья,
Там до смерти меня
Арифметикой скоро замучат.
Но весь век свой считать
Да зады повторять
Ведь это, ей-богу, терзанье!
Будет муж, и тогда
Велика ли беда,
Что не знает жена вычитанье?
Без усилий уму
Я сложенье пойму, -
В том нет никакого сомненья,
А деленье к тому ж
Будет делать мне муж
И нужные все умноженья.

Некрасов в стихотворении "Провинциальный подьячий", напечатанном в "Пантеоне" 1840 г., оперируя теми же, что и Кони, названиями арифметических действий, не только лишает свои стихи всякой фривольности, но придает им характер общественной сатиры. "Подьячий" Некрасова, в противоположность "девушке-гусару" Кони, распинается в своей любви к арифметике:

Грамматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от деления
Немало получил:
Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения
Мой капитал толстел
И рос - от умножения
Просителей и дел.
Дало плод вычитание,
Как подчиненным я

Не брать дал приказание,
За вычетом себя.
Сложив все в заключение,
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот.
Куда б я ни вошел.

Здесь уместно будет поставить вопрос, не было ли области, в (которой Некрасов мог не только брать от Кони, но и давать ему несмотря на то, что Кони неизмеримо превосходил его - и образованием и литературным опытом. Думается, что такая область была. Уже А. А. Измайлов, писавший о Кони в "Еженедельнике императорских театров", (1909 г., No 1--4), справедливо отметил, что куплет Кони "в гибкости и звучности уступает куплету Некрасова даже первых его выступлений", а потому нет ничего невозможного, что, помогая Некрасову в его работе над водевилями, например, над "Шилом", на что указывалось выше, Кони заказывал иногда Некрасову куплеты для своих водевилей. В "Утре в редакции" автор вкладывает в уста Пельскому (Пельский это - автопортрет; не забудем, что фамилия эта повторяет вторую часть псевдонима Некрасова - Перепельский) следующий перечень тех работ, которыми он теперь занят: "повесть написал, другую начал, драму продолжаю, к чужому водевилю куплеты приделываю, поэму переделываю, литературные сцены пишу"... Итак, приделывать куплеты к чужим водевилям входило в круг занятий молодого Некрасова. Он быстро приобрел репутацию великого мастера по части сочинения куплетов; за его куплетами гнались. Почему бы и Кони было не использовать раз-другой Некрасова, как куплетиста? Невероятного в этом предположении нет ничего. Однако, повторяем, и определенных данных, которые позволяли бы считать такого рода сотрудничество Некрасова с Кони доказанным, не имеется. Во Носяком случае нижеследующее сопоставление куплетов чиновника Щекоткина в "Петербургских квартирах" и некрасовского "провинциального подъячего" свидетельствуют о таких совпадениях в их ритме, в стиле, в самой манере, не говоря уже о тематике, которые трудно объяснить случайным совпадением:

Кони:

Щекоткин рассказывает о своем повышении по службе:

Начальник отделения
Отдельная статья!
Его все чтут за гения -
И гений этот - я!.. и т. д.

Некрасов:

Подъячий рассказывает о своем обогащении от службы:

Сперва я от деления
Немало получил,
Начальник отделения
Делить меня учил... и т. д..

Если принять во внимание, что появление в печати "Провинциального подъячего" несколькими месяцами предшествовало постановке на сцене "Петербургских квартир", то предположение о возможности сочинения Некрасовым отдельных куплетов для водевилей Кони получит еще одно, правда, косвенное, подтверждение.

Теперь вернемся к личным отношениям этих двух писателей. В 1840 г., когда Кони главным образом и помогал Некрасову "выкарабкаться из сору и грязи", отношения их,

повидимому, ничем не были омрачаемы, но 1841 год ознаменовался конфликтом между ними, о котором мы узнаем до (письма Некрасова к Кони от 16 августа 1841 г.

Поводом к конфликту послужили сплетни из их общих знакомых, К. Вельсберга, который был, по утверждению Некрасова, заинтересован в том, чтобы их поссорить.

Еще "в прошлом году" им распускались "нелепые слухи" о том, что действительным редактором "Пантеона" является он, Некрасов, а не Кони, что статьи последнего исправляются первым и т. д. Слухи эти, повидимому, не произвели особого впечатления на Кони. Однако, проходит несколько месяцев, и Некрасов получает сведения о том, что Кони серьезно недоволен им за его резкие отзывы по его адресу, вызванные, с одной стороны, задержкой в уплате ему гонорара, с другой, - значительными вставками, сделанными Кони в его письме против Межевича. "Напрасно вы думаете, - оправдывается Некрасов, - что я кричал по городу и жаловался на вас касательно неплатежа денег. Необходимость заставила меня, по совету К. Е. Вельсберга, прибегнуть к А. А. Краевскому, у которого я и был на даче. Ему я, действительно, сказал, что вы остались мне должны и дали записку - больше ничего, уверяю вас. Неполучение от вас ответа, болезнь моей матери (и другие семейные обстоятельства заставили меня вторично прибегнуть к Андрею Александровичу. Тогда я рассказал ему мое затруднительное положение, а касательно наших отношений с вами только, что вы меня даже не удостоили ответом на письмо, в котором я спросил денег... Человек - не бог. Досада, огорчения и вообще обстоятельства, в которых я тогда находился, может быть действительно заставили меня сказать что-нибудь против вас нашим общим знакомым, в чем я и прошу у вас прощения. Но клянусь богом и честью, что все, что я говорил, касалось только личных наших отношений и нисколько не касалось, как вам внушили, вашего доброго имени. Я хочу объяснить вата все откровенно... Один только раз в жизни сказал я о вас несколько резких слов, но и ими, если вы их слышали, могла бы оскорбиться ваша гордость; ваше доброе имя, ваше благородство - очень хорошо мне известны; я всегда считал священной обязанностью защищать их, а не унижать, потому что никогда не забывал, как много вам обязан... Я не скрывал и перед вами некоторого неудовольствия и нерешительности касательно письма моего против Межевича; это происходило оттого, что я в этом деле руководствовался не самим собой, а внушениями других. Я был под влиянием этих внушений, когда до меня дошли слухи о известной вам ошибочной ссылке, и на вопрос А. А. Краевского, как это случилось, сказал ему, что большую часть этого письма писали вы сами и что автор не может отвечать за то, что заблагорассудится вставить в его статью редактору. Не знаю, как это передали вам, но догадываюсь, что с помощью сплетней из этого можно было сделать многое"... Далее Некрасов высказывает предположение, что мог дать и иные поводы к наговорам на себя. "Зная страсть моего (приятеля К. Е. (т. е. К. Е. Вельсберга) к сплетням, - пишет он, - я шутя рассказал ему и другим, что был у Булгарина, рядился с ним и проч. Ничего этого не было, уверяю вас честным словом, но всему этому поверили и я уверен, что все это передали вам с большими прибавлениями".

Характерны заключительные строки этой части письма: "Я не буду до той поры спокоен, пока не получу ответа на это письмо; я надеюсь, что оно хотя немного оправдает меня в глазах ваших, чего я душевно желаю, потому что искренно уважаю вас и боюсь, если вы будете обо мне дурного мнения. Кой в чем я виноват, но клянусь честью, я не сделал ничего такого, что б могло повредить вам или чувствительно оскорбить вас. Пусть бог судит того или тех, кто так удружил мне. Притом, вы кажется достаточно знаете мой характер... ну, неужели я мог дойти до того, каким вам меня представили?... Ради бога, ответьте мне... Нужды нет, если бы это было и последнее сношение между нами. Хоть ругайте, да отвечайте".

Приведенные цитаты из письма Некрасова к Кони от 16 августа 1841 г. не покрывают всего содержания письма. В нем Некрасов приводит также в ясность свои литературные обязательства в отношении изданий Коми и в то же время, на случай полной ликвидации происшедших недоразумений, касается вопроса об условиях своего дальнейшего сотрудничества в этих изданиях.

Ответ Кони лишь до некоторой степени оправдал надежды Некрасова: историю со сплетней Кони, повидимому, охотно предал забвению, но на предложение Ник. Ал-ча считать его "постоянным сотрудником" своих изданий не согласился. Поэтому в новом письме Некрасова (от 25 ноября 1841 г.), на ряду (с искреннею радостью по поводу ликвидации,

неприятного для него инцидента, чувствуется некоторая обида: "Сколько мог я понять, -- читаем мы здесь, -- в постоянные сотрудники я вам ее гожусь, я могу писать, когда вздумается, то есть другими словами мои отношения с вашей газетой могут быть только такие, как и со всяким другим журналом: написав что-нибудь, я могу отослать в который мне угодно журнал, пожалуй, и в "Л. Г.". Вот какое вы даете мне право. В исчислении достоинств вашего будущего сотрудника вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало еще чего, даже и таланта, как, кажется, намекают некоторые слова письма. Согласен со всем, но спрашиваю, найдете ли вы человека, который имел бы все такие качества... Не знаю... О себе скажу, что могу быть лучше гораздо, смею сказать, того, каким был в нынешнем году, но таким, какого вы нарисовали, быть во всех отношениях не ручаюсь. По тому, как я доселе работал у вас, обо мне не судите. Это дело другое. Помните, что я ни к чему не обязывался, а поступал по произволу. Притом, не имея ничего верного, я метался из стороны в сторону, притом еще... Вы на меня смотрели как на работника, и я служил вам как работник..."

Последние слова заслуживают особого внимания, так как позволяют утверждать, что. в отношении Кони к Некрасову была и своя теневая сторона. Кони, хотя и много сделал для Некрасова, однако, повидимому, не переставал в период их совместной работы смотреть на него сверху вниз, глазами работодателя на находящегося в полной зависимости от него работника. Пусть Кони был в отношении Некрасова добрым и гуманным хозяином (задержки в уплате гонорара в счет не идут, ибо Кони в 1840--41 гг. не располагал сколько-нибудь значительными средствами и издавал "Пантеон" с крайним напряжением своих материальных ресурсов), но именно хозяином, а не товарищем, хотя бы и старшим. По-хозяйски действовал Кони и тогда, когда без согласия Некрасова вносил большие и существенные изменения в его статьи, например, в вышеупомянутое открытое письмо Межевичу, и тогда, когда *кхе* удаивал" Некрасова ответа на его письмо, (хотя последнее содержало слезную мольбу о деньгах. Некрасов, чувствуя свою зависимость от Кони, без сомнения, тяготясь ею, стремился несколько ослабить ее, с каковой целью и предлагал Кони перестроить деловую сторону их отношений на основе каких-то, повидимому, строго определенных условий. Однако Кони, как мы видели, на это не согласился. Впрочем и лишиться сотрудничества Некрасова ему не хотелось. Возможно, что он, в конце концов, и пошел в некоторой мере навстречу желаниям Некрасова. Из единственного дошедшего до нас письма Некрасова, к Кони за 1842 г. явствует, что та работа, которую получил Некрасов в "Литературной Газете" и в "Пантеоне" в этом году, не была рядовым сотрудничеством; его участие в этих изданиях было в значительной степени редакционным. Однако о формах (этого (участия трудно оказать что-либо вполне определенное. Во всяком случае, поддерживая контакт с Кони, Некрасов в то же время начинает сближаться с Краевским, тем более, что в руки последнего окончательно переходит "Литературная Газета". По мере того как расширяется участие Некрасова в этой последней, а затем и в другом органе Краевского - "Отечественных Записках", -- его участие в "Пантеоне" явным образом идет на убыль. Не забудем, что в редакциях журналов Краевского Некрасова ждала встреча, которая могла ему дать и на самом деле дала гораздо больше, чем знакомство с Кони - встреча с Белинским.

С 1842 г., по-видимому, окончательно прекращается работа Некрасова у Кони. Хотя Кони-сын и утверждает, что "добрые отношения" его отца и Некрасова продолжались, однако, это не совсем так. По крайней мере, в вышеупомянутых новонайденных автобиографических повестях Некрасова, относящихся к 1843 г., содержится ряд выпадов против "редактора газеты, известной замысловатостью эпиграфа", т. е. против Кони (эпиграф "Литературной Газеты" был, действительно, замысловат): Некрасов, очевидно, не мог забыть того, что Кони, как мы только, что отметили, держался в отношении него слишком по-хозяйски, не мог забыть также и вставок в свои статьи и бесцеремонного использования своего текста для его произведений. Впрочем автобиографические повести Некрасова остались не напечатанными, и Федор Кони легко мог не знать об изменившемся отношении к нему Некрасова. Сам он, несомненно, продолжал симпатизировать Некрасову. Едва ли можно сомневаться, что то исключительно благожелательное отношение к личности Некрасова, которое красной нитью проходит и через печатные и через устные высказывания о нем Анатолия Федоровича Кони, явилось результатом не только личного знакомства с ним, но и отцовских рассказов о нем. Во всяком случае, если Кони-отец помог в свое время Некрасову "выкарабкаться из сору и грязи" его тогдашней жизни, то Кони-сын сделал все от него зависящее, чтобы очистить память поэта от "сору и грязи" уже другого рода, от сору и грязи, которыми старались докрыть эту память

многочисленные как личные, так и общественные недруги Некрасова, продолжавшие и после его смерти дело, начатое ими еще при его жизни.

III

Свою миссию посмертного, если так можно выразиться, друга Некрасова "и апологета его памяти А. Ф. Коей выполнял и как писатель-мемуарист, и как лектор, и наконец, как владелец некрасовского архива.

Остановимся на каждой из этих сторон его деятельности особо.

Воспоминания Кони о Некрасове, включенные во второй том книги "На жизненном пути" (СПб, 1912 г.) общеизвестны. В них повествуется о знакомстве автора с Некрасовым, начавшемся в конце 50-х годов, т. е. тогда, когда Кони-сын был еще гимназистом, и заполнившимся вместе с жизнью поэта. Наибольший интерес представляют те страницы воспоминаний, в которых Кони рисует личность Некрасова, в частности рассказ об их беседе, посвященной картам, к которому был так привержен Некрасов. "В этой беседе,-- пишет Кони,-- он раскрыл передо мною болезненную психологию человека, одержимого страстью к игре, непреодолимо влекущую его на эту рискованную борьбу между счастьем и опытом, увлечением и выдержкой, запальчивостью и хладнокровием, где главную роль играет не выигрыш, не приобретение, в своеобразное сознание своего превосходства и упоение победы..."

В одно из посещений Анатолия Федоровича автором настоящих строк Кони сообщил ему кое-какие подробности о карточной игре поэта, не вошедшие в текст его воспоминаний. Заговорив однажды с Кони о своих карточных выигрышах, Некрасов объяснял их следующим образом: "Первое, отец, играю я в карты по определенной системе. Приеду в клуб, начну в одну игру. Вижу - не везет. Брошу. Начну в другую. Опять не везет. Опять брошу. Переберу несколько игр, пока не попаду на такую, в которой карта идет. А карта идет всегда полосую. Нужно полосую эту уловить и за нее держаться - тогда наверное в выигрыше будешь. Окончится полоса везения - нужно скорей бросать игру... Второе, когда я еду в клуб и знаю, что там серьезная игра будет,-- я сначала выплусь хорошенько, "потом ванну возьму; в воду рому подолью. Ванна взбодрит женя, мысли у меня свежие, соображение ясное. Приезжаю в клуб, а там уже который день степные помещики режутся, выкупные свидетельства просаживают. Подходит ко мне один из степняков этих: "Не желаете ли сыграть?" - "Отчего не сыграть". Садимся. Глаза у него мутные; лицо от пьянства опухло; изо рта винным перегаром разит; в голове мешается. Ну, где такому против меня устоять?! И верите ли, отец, играю я с ним, и все-то мне представляется, как у (себя в деревне этот барин распорядился, как мужиков-то давил. И обыграть его для меня вдвойне приятно"... Передав слова Некрасова, Кони уже от себя добавил: "Я думал внести это признание в свои воспоминания, да потом побоялся--как бы лишнего повода для злословия по адресу Некрасова не дать. А между тем, я наверное знаю, ото играл он хоть и с тонким расчетом, но вполне "чисто; и честно. Меня этот вопрос одно время горячо интересовал, и я со многими партнерами Некрасова говорил. Все в один голос заявляли: "Сплетни о том, что Некрасов играл нечисто, решительно ни на чем не основаны". Да! и хранящиеся у меня письма Некрасова по карточным делам о том же свидетельствуют..." Автор настоящих строк выразил желание познакомиться с этими письмами. Кони ответил неопределенно, а во время одной из последующих встреч заявил: "а письма к Некрасову из карточных дел я уничтожил, хотя в них, повторяю, ничего компрометирующего его не было. Но иные из них имели чересчур уж личный, и даже интимный характер, содержали нередко униженные просьбы отсрочить платежи проигранных денег. Тяжело было мне, знавшему и Некрасова и тех, кто ему эти письма писал, читать их". Не входя в обсуждение вопроса, насколько прав был Анатолий Федорович в этом случае, нельзя не отметить, что в основе его действий и здесь лежало стремление оберечь память Некрасова от лишних нареканий. Такого рода нарекания никогда не оставляли его равнодушным. Когда в печати появлялись какие-либо статьи, содержащие в себе неблагоприятные суждения о личности Некрасова, Кони и волновался и огорчался. У автора этих (строк хранится письмо Анатолия Федоровича, в котором он благодарит его за печатные комментарии к воспоминаниям о Некрасове Е. Жуковской ("Былое" 1923 г., No 22), доказывающие фактическую необоснованность целого ряда обвинений, предъявляемых автором воспоминаний Некрасову. Не нравились Анатолию Федоровичу и проникавшие в печать отрицательные отзывы о подруге последних лет жизни

поэта - Зинаиде Николаевне. Нам неоднократно приходилось слышать от него, что Некрасов относился к Зинаиде Николаевне с полным уважением и не позволял в ее присутствии фривольных разговоров, которые, вообще говоря, любил, особенно в послеобеденные часы. Впоследствии Кони включил эту подробность в текст своих воспоминаний о Некрасове, вышедших в дни столетия рождения поэта отдельным изданием.

Как уже отмечалось выше, Кони поддерживал добрую память о Некрасове не только как мемуарист, но и как лектор.

Не будет, думается, лишним сказать здесь несколько слов о лекциях Кони, посвященных русским писателям вообще. Когда в пылу борьбы за новый, рожденный Октябрьской революцией строй некоторые чересчур горячие головы готовы были презирать классическую литературу, как негодное наследие прошлого, Кони был одним из первых, восставших против такого взгляда. С этой целью он, 75-летний старец, пошел в массы, с лекциями о Пушкине, Толстом, Достоевском, Гончарове, Некрасове и т. д. И где только ни приходилось ему лекторствовать в эти годы! Он читал лекции и индустриальным рабочим, и красноармейцам, и кооператорам, и служащим Мурманской железной дороги, и студентам, и трудшкольникам и т. д. и т. п. Несмотря на свой возраст, несмотря на тяжелые последствия материальных невзгод, коснувшихся и его, читал он с подъемом и увлечением и пользовался неизменным успехом. Прямо поразительно, как этот глубокий старец, столь тесно связанный с высшими кругами дореволюционной России, умел найти слова, доходившие до сердца рабоче-крестьянских аудиторий. Верный завету Некрасова, он, маститый академик, блестящий оратор, глубокий мыслитель, имея около восьми десятков лет на плечах, выступил в роли "сеятеля знания, на ниву народную", и *сеятеля* "умелого", с "бодрым лицом" и с "полною жита кошницею". Для человека того общественного круга, к которому в течение многих Десятилетий принадлежал Кони, для человека его лет это неустанное и постоянное лекторство было: истинным подвигом. И во имя чего он его совершал? Во имя и во славу все той же русской литературы. Но, совершая этот подвиг, Кони надорвал свое сердце. Многие десятки публичных выступлений не могли пройти даром для 80-летнего лектора. Служение последних лет его жизни ускорило его кончину.

Что касается лекций Анатолия Федоровича собственно о Некрасове, а их, кстати сказать, он особенно любил читать, то, прежде всего, необходимо отметить, что они по-своему содержанию только частично повторяли его воспоминания. Воспоминания, вернее, составляли вторую часть каждой из этих лекций. Первую же часть Кони обычно посвящал характеристике Некрасова как поэта. О том, как строил он эту характеристику, можно судить по статье его "Мотивы и приемы творчества Некрасова" (см. в "Памятке ко дню столетия рождения Некрасова", ГИЗ, 1921 г.), представляющей собой как бы конспект того, что говорил Кони в начале своей лекции. Конечно, статья эта, с точки зрения современного литературоведения, слабовата, Кони ведь никогда и не претендовал на звание записного литературоведа, -- но в устной передаче она производила очень сильное впечатление на тех, по большей части, простых людей, отнюдь не литературоведов, пред которыми произносилась. Особенно нравилось аудитории образное описание детства поэта и влияний, предопределивших, по мнению Кони, основное настроение и направление некрасовской поэзии. Это описание не лишено черт истинной художественности. "Вот его детство, - портрет Кони, - "среди буйных дикарей" в усадьбе отца - жестокого и бездушного насильника, вокруг которого "разврат кипит волною грязной" и где страдает чистая и благородная мать, где приходится сливать слезы детского испуганного и трепещущего сердца со слезами оскорбленной и поруганной женщины. Куда уйти? Где отдохнуть от этой горькой обстановки, чтобы забыться хотя бы на время среди других картин? Пойти на берег соседней Волги? - Но там вереницей в своеобразных хомутах тащат *барки* унылые и сумрачные бурлаки "с болезненным припевом ой! и в такт мотая головой", так незабываемо изображенные Репиным... Уйти в противоположенную сторону? - Но там так часто идут по Владимирке в далекую и страшную Сибирь ссыльные и каторжные с выжженными клеймами на лице и бритой половиной головы, бряцающая цепями, сменяясь во времена партиями горестно оплаканных семьей рекрутов, отправляемых на долгую безрадостную и исполненную бездушной строгости и бессмысленной шагистики службу. А кругом и дома и у соседей - в мрачной области крепостного права - грубые проявления власти владельцев крестьянских "душ". Вот где корни любви и гнева, проникающие поэзию Некрасова..."

Необыкновенно задушевный тон секций Кони, а лекций его о Некрасове в частности, его несравненный дар излагать любой вопрос, любую проблему удивительно просто и понятно, не впадая в то же время в слащавую вульгаризацию, более чем преклонный возраст самого лектора, за согбенным станом которого рисовались тени его великих современников, в своем совокупном воздействии на аудиторию давали необычайно сильный психологический эффект. То, что говорил Кони, этот неповторимый лектор-художник, захватывало и покоряло слушателей и неизгладимыми чертами врезывалось в их память. Самые беспокойные, недисциплинированные аудитории буквально замирали при первых звуках негромкого голоса Анатолия Федоровича. Успех вечера, на котором дал свое согласие выступить Кони, можно было потому заранее считать обеспеченным. Не боясь упрека в преувеличении, мы решаемся утверждать, что "некрасовские дни", павшие на декабрь 1921 г. (столетие рождения поэта), приобрели в Ленинграде значение крупного общественно-литературного события до заставили всколыхнуться весь город, еще не (залечивший тяжких ран, нанесенных годами разрухи, голода и интервенции, в (значительной мере благодаря тому, что их оживлял своим интенсивным участием Анатолий Федорович Кони. {Характеристика А. Ф. Кони, как лектора, в частности, как лектора о Некрасове и оценка его роли в "некрасовские дни" 1921 г. отнюдь не являются голословными. Автору настоящей статьи, в качестве одного из организаторов общественного празднования (памяти Некрасова в Ленинграде, приходилось много раз присутствовать на лекциях Кони.}

И в другом отношении наша общественность, литература и наука чрезвычайно обязаны Кони. Будучи душеприказчиком сестры поэта Анны Алексеевны; Буткевич и приняв после ее смерти на хранение ее архив, и архив этот заключал в себе бумаги (рукописи, письма, документы и т. д.), находившиеся на петербургской квартире Некрасова, Кони проявил к этому архиву на редкость внимательное и бескорыстное отношение. Можно сказать с уверенностью, что, за исключением сожженных писем по карточным делам, он сберег все доставшиеся бумаги, вплоть до последнего листочка. Затем, хотя Кони обладал преимущественными правами на использование материалов вверенного ему архива, он добровольно отрекся от этих прав, отрекся потому, что, не считая себя историком литературы, находил более справедливым передать их тем, кто посвятил себя этой науке. Он снабжал материалами некрасовского архива А. Н. Пыпина, Е. А. Ляцкого, К. И. Чуковского, пишущего эти строки и некоторых других лиц. Снабжал с полной готовностью, разумеется, совершенно безвозмездно, хотя не мог не понимать, что материальная ценность архива понижается по мере того, как все большее и большее количество заключающихся в нем материалов подвергается обработке, а затем публикации. Для Кони в этом случае его материальные интересы, интересы владельца архива, не имели никакого значения. Он думал отнюдь не о тех выгодах, которые мог бы извлечь от принадлежащих ему бумаг, он думал об интересах объективного изучения жизни и творчества Некрасова. А это изучение встретило бы на своем пути большие трудности, если бы Кони не шел навстречу просьбам немногочисленных "некрасововедов". Мало того, в 1921 г. Кони большую часть некрасовских материалов передал молодому Некрасовскому музею в Ленинграде, который едва ли мог бы даже именоваться музеем, если бы Кони не обогатил его своими материалами. Несколько позднее очень значительный вклад был сделан Кони в Пушкинский дом Академии Наук СССР.

Наконец не лишнее будет упомянуть о той настойчивости, которую (проявил Кони в 80-е и 90-е годы, добиваясь, чтобы новгородское земство, получившее от него: деньги {Роль Кони в устройстве Чудовской школы освещается в заключительной части его "Воспоминаний о Некрасове", где он сообщает ряд объективных сведений по этому делу.} (они были частью собраны по подписке, частью выручены от продажи изданных Буткевич сочинений Некрасова) на устройство школы в Чудовской усадьбе поэта, осуществило это начинание, имевшее опять-таки целью почтить память автора "Русских женщин" и "Кому на Руси жить хорошо". Трудно, кажется, сделать больше для почившего писателя, чем сделал Кони для Некрасова. Оказанное, между прочим, объясняет, почему предлагаемая вниманию читателей книга посвящена памяти Анатолия Федоровича.